Д Д ШАМРАЙ

К ИСТОРИИ ЦЕНЗУРНОГО РЕЖИМА ЕКАТЕРИНЫ II

О цензурном режиме при Екатерине II в начальные годы ее царствования опубликовано так немного, что даже самые краткие изыскания, а в частности и предлагаемая работа, преимущественно о цензуре русской художественной литературы, могут принести пользу.

Казалось бы, что для Екатерины II, отнявшей у своего мужа власть путем вооруженного переворота, было одинаково важно как уничтожить русские печатные произведения в честь Петра III или упоминавшие его имя, так и не допускать в Россию заграничные издания о бывшем императоре. По крайней мере, Елизавета Петровна, тоже с помощью оружия овладевшая троном двадцатью годами раньше, неоднократно пыталась изгладить в церковно-славянских книгах, в русской гражданской печати по всей России и даже в иностранных книгах библиотеки Академии наук следы «известных персон» (т. е. Ивана VI) и бывших при нем двух правлений Елизавета приказала произвести соответствующую замену всех паспортов отставным, паспортов крестьянам для работы, всяких квитанций, описей, выписок и так называемых «данных ярлыков» Даже архивные дела за время Ивана VI были все сданы в Сенат. Разрешалось учреждениям сделать для себя копии лишь таких дел, которые были существенно необходимы для административных текущих справок, причем имена «известных персон» заменялись в копиях хронологическими датами.

Криминальный печатный материал время от времени публично сжигался перед зданием Правительствующего Сената, за исключением церковно-богослужебных книг, в которые предлагалось вклеить перепечатанные выходные листы. Очень много таких книг хранилось на секретном положении в особом помещении Библиотеки Академии наук и сгорело при пожаре академической библиотеки в 1747 году.

Екатерининская цензура из всех родов русской художественной литературы должна была бы обратить внимание прежде всего на оды, потому что одическая поэзия совершенно неизбежно тесно связывалась с «правительствующими лицами» и входила в ритуал праздничной жизни двора. Однако, хотя мы имеем очень раннее прямое и открытое цензурное распоряжение Екатерины II относительно недопущения в русские пределы заграничных изданий о Петре III, все-таки у нас создается впечатление, что сверху не было дано распоряжения об изъятии или уничтожении напечатанных в России од в честь Петра III, связанных с его именем и тем более упоминавших о нем, как о великом князе Петре Федоровиче. Например, в отчете типографии Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, без всякой ссылки на высочайшее повеление, говорится, что остатки посвященной Петру III оды адъюнкта Бужо на французском языке было приказано употребить на макулатуру.[1] Так, местная администрация, свидетельница елизаветинских порядков по этой части, сама принимала соответствующие меры и достигла того, что все произведения одической поэзии кратковременного царствования Петра III, а также различные описания фейерверков (обычно печатавшиеся к тому же малыми тиражами) относятся к чрезвычайно редким изданиям. Яснее всего это обнаруживается в случае с речью Ломоносова о катадиоптрической трубе (на латинском языке). Она была напечатана к Петрову дню (29 июня) 1762 года для произнесения в торжественном собрании Академии наук в честь Петра III. Вследствие этого назначения совершенно специальный доклад академика имеет концовку, типичную для придворной панегирической манеры. После свержения Петра III (28 июня 1762 года) отпала всякая возможность произносить речь о катадиоптрической трубе. Единственный дошедший до нас печатный текст этой речи Ломоносова находится в библиотеке Центрального государственного архива древних актов с собственноручной пометкой академика Миллера на немецком языке, причем титульный лист как абсолютно криминальный кем-то был сорван.[2] Можно с большим основанием предполагать, что весь тираж этой речи был уничтожен советником Академии

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 314, № 178 (за 1757 г.). Заведующий типографией дословно писал так: «Не повелено ли будет остальные 16 экземпляров употребить на маклетуру?»

[2] «Новый журнал естественной истории, физики, химии и сведений экономических», 1827, ч III, № 1, стр. 31—50; М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. IV, Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 471—487 и 793—800.

наук И. И. Таубертом как лицом, которое было тесно связано с июньским переворотом 1762 года и участвовало еще в дни Петра III в предварительном изготовлении печатных манифестов о вступлении Екатерины на престол.[3] Надо иметь в виду, что Тауберт был в курсе всяких придворных интриг, поскольку он состоял при С.-Петербургском почтамте перлюстратором и дешифровщиком шифрованной корреспонденции иностранных дипломатических миссий.[4]

Гораздо более важную и интересную группу представляют те случаи, когда оды и другие произведения придворного назначения наполнялись в той или иной степени гражданскими или политическими мотивами и по этой именно причине подвергались цензурному преследованию. Здесь цензура руководствовалась не формальным признаком, а судила по существу содержания. Например, так называемый «другой», «Хор ко превратному свету» совсем не был включен в печатный текст описания грандиозного московского маскарада 1763 года — «Торжествующая Минерва».[5] Или в 1767 году совсем не увидела света напечатанная в типографии Сухопутного шляхетного кадетского корпуса неизвестного автора «Ода на пришествие Екатерины II из Москвы в С.-Петербург».[6] Известен случай конфискации екатерининской цензурой оды, имевшей определенное политическое значение. Это — сочиненная А. П. Сумароковым «Ода королю польскому Станиславу-Августу, новоизбранному Пиасту».[7] Нет сомнения, что в этой оде было неприемлемое для Екатерины политическое содержание или, может быть, даже намеки на личные отношения ее к Станиславу Понятовскому.

Имя Станислава-Августа Понятовского и какие-то другие невыясненные частности или обстоятельства причинили цензурные неприятности неизвестному автору, написавшему под псевдонимом «De la Tierce» историческую поэму в стихах «Le temple de la gloire», более доступную по изданию 1773 года во Франкфурте-на-Майне в составе шести песен.

---

[3] П. П. Пекарский. История императорской академии наук в Петербурге, т. I. СПб., 1870, стр. 658—659. (В дальнейшем цитируется кратко: П. П. Пекарский. История Академии наук).

[4] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. V, СПб., б. г., стр. 429.

[5] Ср. статьи П. Н. Беркова и Г. А. Гуковского в сб. «XVIII век», вып. I, 1935.

[6] Сб. «XVIII век», вып. II, 1940, стр. 329.

[7] В. П. Семенников. Материалы для истории русской литературы. СПб., 1914, стр. 109

Первая песнь 24 ноября 1771 года была посвящена Екатерине II, причем в особом примечании франкфуртского издания рассказывалось, что рукопись этой песни была направлена через полномочного министра России Гросса в Петербургскую Академию наук и что, по докладу директора Академии наук камер-юнкера Ржевского, состоялось распоряжение Екатерины II об издании этого поэтического произведения, о чем академик Штелин и уведомил автора без всякого промедления

Вторая песнь 1 февраля 1772 года была посвящена польскому королю Станиславу-Августу Понятовскому, причем в особом уведомлении сообщалось, что текст второй песни был вручен русскому чрезвычайному посланнику при польском дворе барону фон Сальдерну.

Третья песнь 20 марта 1772 года была посвящена наследнику русского престола Павлу Петровичу; в предисловии сообщалось, что она, как и две предыдущие песни, уже была напечатана в России.

Четвертая песнь 24 сентября 1772 года за подписью Иоганны Эрдмут де ля Тиерс посвящена была Екатерине II; в особом уведомлении говорилось, что автор был извещен академиком Штелином о получении этой четвертой песни Петербургской Академией наук.

Относительно пятой песни 24 октября 1772 года, посвященной Петербургской Академии наук, уведомлялось, что и она своевременно была получена в С.-Петербурге, как о том сообщал автору академик Штелин.

Шестая песнь 24 ноября 1772 года посвящена была «знаменитой русской нации»; и о ней читателю сообщалось, что в рукописном виде она была своевременно доставлена в Петербургскую Академию наук, о чем у автора имелось извещение от акад. Штелина.

Только таким путем и можно было довести до общеевропейского сведения, что трех последних песен поэмы «Le temple de la gloire» де ля Тиерс в России не пожелали напечатать, хотя одна из них была посвящена Екатерине II, а другая — Петербургской Академии наук, располагавшей прекрасной типографией. Но петербургское издание первых трех песен на французском языке имеет особенность явно цензурного порядка: посвящение второй песни польскому королю Станиславу-Августу Понятовскому было снято полностью. Между тем, первой песне было оказано чрезвычайное благоволение: она была издана в С.-Петербурге даже на греческом языке в переводе Евгения Булгариса «Το ιερον τῆς δοξης. Ποιημα ἱδιορικὸν»

(Πετρουπόλει 1772, стр. 31).[8] В том же году вышел в С.-Петербурге русский перевод прозою Ивана Кудрявцева трех песен, причем, по явному неведению переводчика, третья песнь названа «и последнею». В русском переводе дано только посвящение Екатерине II (посвящения Станиславу-Августу и Павлу Петровичу сняты. Подверглось замалчиванию даже имя Елизаветы Петровны).[9]

В стремлении Екатерины II направлять общественное мнение серьезное место занимал вопрос о контроле за комедиями и романами. Собственноручные ее замечания от 1768 года на рукописный текст комедии Сумарокова «Лихоимец» в этом отношении чрезвычайно показательны.[10] Здесь она возражает против шуток, касающихся религиозных понятий и культовых предметов, например против слов «туфли вселенского патриарха в соборной церкви» Екатерина II пишет: «Не лучше ли шутку другую вздумать, а о соборной церкви и вселенских патриархах на театре с презрением не упоминать?» Выступая в роли цензора, Екатерина II предлагает писать «уж я с Вами по смерть не увижусь» вместо широко бытующего выражения «уж я с Вами до второго Христова пришествия не увижусь». Далее в этих замечаниях цензор-императрица рекомендует употребить слово «кто-нибудь» вместо имеющегося в сумароковском тексте «депутаты Комиссии для составления Нового уложения», причем здесь не ясно, защищает ли Екатерина высокое звание депутата Комиссии или желает замолчать самое существование Комиссии для составления Нового уложения, — второе вернее.[11] Екатерина II заботилась также о благопристойности выраже-

---

[8] ААН, ф. № 3, оп. № 1, д № 543, статья 307, от 1 июня 1772 года. Здесь же указан тираж 200 экз. Греческий перевод есть в БАН (X. Q 114a)

[9] В 1798 году в письме на французском языке из Лондона С. Р. Воронцов благодарит брата за присланные стихи престарелого Хераскова и благодарит поэта: «За упоминания об императрице Елизавете, которую забывали... в течение всего долгого прошлого царствования» (Архив князя Воронцова, кн. 10, М., 1876, стр. 24—25).

[10] Сб. РИО, 1872, т. X, стр. 274—275.

[11] Датировать эти замечания Екатерины II следует августом 1768 года, потому что 8 сентября того же года Сумароков, представляя директору Академии наук гр. В. Г. Орлову о печатании этой комедии, писал: «...рецензии, кажется, больше никакой ненадобно, ибо она была уже ради рассмотрения у высочайшей особы, и по отметкам отставлено, что было благоволено к отмене» (В. П. Семенников Материалы для истории русской литературы, стр. 96). Между тем 24 сентября предыдущего 1767 года Сенат предписал всем правительственным учреждениям, чтобы разосланные им экземпляры «Наказа» «содержаны были единственно для сведения одних тех мест присутствующих» (С. М. Соловьев История России с древ-

ний. В одном замечании она требует исключить из текста комедии какое-то слово, потому что оно имеет «зазорную этимологию», а в другом настаивает на изъятии фразы, потому что «слова столь обнажены, что благопристойность дозволить не может при столь великой публике их произвесть». Наконец исключительный интерес представляет замечание Екатерины II о том, можно ли метить на личности в комедиях: «Ябедники скажут, что по указам сочинителя допросить должно, кого он именно в сих словах разумеет».

Для характеристики цензурной практики первых лет царствования Екатерины показательно давление, производившееся на литераторов — выходцев из старого Сухопутного шляхетного корпуса как раз из-за комедии. В крепости св. Елизаветы в Новороссии (впоследствии Елизаветград, ныне Днепродзержинск) в начале 60-х годов XVIII века возникла своеобразная литературная комиссия, которая занялась изданием произведений словесности. В Новороссию был направлен с почетным поручением ревизовать деятельность генерала Хорвата (а фактически в ссылку) известный по Сухопутному шляхетному кадетскому корпусу А. П. Мельгунов, активный сторонник Петра III во время недолгого сопротивления его захвату власти Екатериной II. В 1764 года туда прибыл В. А. Чертков, заведывавший типографией названного корпуса со дня ее открытия. По представлению Мельгунова для Новороссийского края был выделен Военной коллегией один станок из типографии Сухопутного шляхетного корпуса с минимальным числом обслуживающего персонала, причем высшая власть Новороссийского края (т. е. в данном случае тот же А. П. Мельгунов) имела там на месте право цензуры. Из Новороссийской краевой типографии, которая обосновалась тоже в крепости св. Елизаветы, вышли, кроме бланков, «Букварь» и комедия «Кафейный дом».[12] Но с прибытием туда Я. И. фон Брандта в конце 1765 года в качестве начальника края[13] и в роли проводника цензурной практики нового царствования, книгопечатная

нейших времен, кн. 27. СПб., б. г., стр. 400). Кроме того, известно, что как раз в августе 1768 года Екатерина окончательно разочаровалась в возможности повести Комиссию по желательному пути и уже склонялась к прекращению ее деятельности. Фактически закрыта Комиссия была 10 сентября 1768 года.

[12] В. П. Семенников. Дополнительные материалы для истории провинциальных типографий XVIII и начала XIX в. «Русский библиофил», 1913, VII, стр. 6.

[13] А. Скальковский. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, ч. I. Одесса, 1730—1823, стр. 70—71.

деятельность типографии приостановилась и уже не возобновлялась на всем протяжении XVIII века. Относительно комедии «Кафейный дом» следует иметь в виду, что она вовсе не сочинение Черткова, как это утверждается в трудах Семенникова, Всеволодского-Гернгросса[14] и в «русском биографическом словаре», а представляет полный перевод комедии «Le caffé» Ж. Б. Руссо, из первого периода его литературного творчества.[15] Эта комедия осмеивает дворянство, ищущее браков с богатыми мещанками единственно по расчету. Там же выведен аббат — завсегдатай кафе и участник разных проделок. Самый текст «Кафейного дома» имеет отдельные двусмысленные места, например Евфросиния («благоразумная»), содержательница кафе, говорит о женских ночных доходах (стр. 50), в которых как будто принимает активное участие и ее дочь Лисанька, желанная для всех невеста из-за 20 тысяч рублей приданого. Комедия «Кафейный дом» имеет выходную дату 1765; но 1 августа 1774 года из крепости св. Елизаветы доносили в Сенат, что напечатанные «Российская азбука» и комедия «Кафейный дом» и поныне в продажу не вышли.[16]

В 1772 году Екатерина II жаловалась Вольтеру, что все театральные сочинения слишком наполнены любовью и ведут к преждевременному возбуждению страстей, а поэтому почти невозможно выбрать приличные пьесы для постановки их силами воспитанниц Смольного института. Вольтер исправил 12 строк в «Мизантропе» и 40 строк в «Скупом», а также обещал внести подобного рода поправки в ряде французских комедий и трагедий, для чего был приобретен в Париже полный их комплект и переплетен пополам с чистыми листами для вписания соответствующих поправок.[17]

Прямое указание на преследование романов екатерининской цензурой в 1760-х годах мы находим в напечатанной коме-

---

[14] В. Н. Всеволодский-Гернгроссс. Алфавитный указатель пьес, представленных, а также изданных в России в XVII и XVIII вв Сборник Историко-театральной секции, т. II, Пгр, 1918, раздел 8, стр. 20

[15] Le caffé. Comédie. La ceinture magique. Pelite comédie. Pièces dramatiques choisies et restitues par monsieur ***, Amsterdam, 1734 г. В этом издании имя Ж. Б. Руссо не названо. «Кафейный дом» имеется в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде. В. Сопиков (Опыт Российской библиографии. СПб., 1813—1821, № 5413) тоже считает эту комедию русским произведением, а не переводом.

[16] ЦГИАЛ, фонд Сената, 1341, I департамент, по приказному столу, д № 219/3790, л. 299.

[17] Философская и политическая переписка Екатерины II с г. Вольтером с 1763 г. по 1778, ч. II. Перевод с французского, СПб., 1807 стр. 89 и 100.

дии Ф. Эмина «Ученая шайка». Учитель юриспруденции Февиус говорит учителю мореплавания Назону: «Ты сам подал мне повод меньше о тебе думать, нежели, может статься, и в самом деле находишься. Вчерашнего дня я видал, как к тебе принесен был роман, и сочинитель тебя просил, чтобы ты его в типографии, находящейся под твоим смотрением, напечатал; ты автора, в первый раз видя, презрел, сказал, что ты не хочешь печатать романов, потому что они неполезны и порицания достойны».[18] Эти слова Февиуса мы можем рассматривать как протест современника против вмешательства цензуры в литературное дело.

В это же время можно констатировать явное крушение издательских планов дирекции Морского кадетского корпуса. Например, приобретенная в 1767 году от сержанта Александра Щербинского переведенная с французского трехтомная рукопись «Похождение крестьянки, достигнувшей знатности и богатства через добродетель и осторожность»,[19] как известно, напечатана не была. Между тем к этому сочинению у читателей XVIII века был интерес, потому что, например, в Государственной Публичной библиотеке (Ленинград) хранится II том другого рукописного перевода его под названием «Похождения достигнувшей знати и богатства мужички»,[20] который, весьма вероятно, представляет собой тоже жертву цензурного режима.[21]

Можно документально доказать, что Морской кадетский корпус в эти годы не выполнял частных заказов по печатанию романов. Например, 6 сентября 1768 года артиллерии штык-юнкер Федор Васильев просил начальство этого Корпуса о следующем: «Имею я переводу моего книгу „Препятствии в любви и счастии“, — того ради прошу книги сея напечатать 600 экз. и по напечатании деньги от меня принять».[22] Никаких дальнейших следов в делопроизводстве по этому поводу не имеется, а книги такой напечатано не было.

Что же касается Сухопутного шляхетного корпуса, то он в это время совсем прекратил печатание романов. Так, до нас

---

[18] БЛ, рукопись № 2968, л. 205.

[19] ЦГИАЛ, ф. 1473, д. № 25, лл. 36, 38 и 44.

[20] ГПБ, рукопись Q.XV.60.

[21] В Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина есть третий перевод под заглавием «История Жанетты, происшедшей из мужички через добродетели и чистоту в достоинство маркизы» (Собрание Ундольского, № 932). — Об этом произведении подробнее см.: А. Н. Пыпин. Для любителей книжной старины, СПб., 1883, стр. 25—26; ср. также: Л. К. Ильинский. Библиотека Ив. Мих. Хвостова. Сб. «Sertum bibliologicum в честь А. И. Малеина», Пгр., 1922, стр. 367, № 143. — *Прим. Ред.*

[22] ЦГИАЛ, ф. № 1473, д. № 25, л. 101.

дошла рукопись, озаглавленная «Торжество любви, или приключении Екатерины, принцессы французской, королевы английской. Часть первая» в переводе Решетова из «Bibliothèque de campagne», во II томе которой, действительно, имеется «Histoire de Catherine de France, reine d'Angleterre, par Mr. Baudot de Iuilly». Решетов преподавал французский язык в Корпусе; в типографии этого Корпуса по частным заказам его служащих было уже напечатано несколько переводов из названной французской серии. Весьма интересно, что рукопись хранилась как семейная ценность, и только из рук третьего поколения она поступила в музеум П. Дубровского,[23] сделавшийся основной частью Рукописного отделения Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Попутно мы делаем допущение, что находившиеся в обращении рукописные экземпляры романов свидетельствуют иногда о недозволенных цензурой первых изданиях, а иногда о недозволенных ею повторных изданиях.

Мы имеем полное основание считать А. Н. Радищева свидетелем того, что на издание романов существовало цензурное запрещение по мотивам попечения о благонравии. Он признает, что «сочинения любострастные, наполненные похотливыми начертаниями, дышущие развратом, коих все листы и строки стрекательною наготою зияют, вредны для юношей и незрелых чувств» и что они, «распламеняя воспаленное воображение, тревожа спящие чувства и возбуждая покоющееся сердце, безвременную наводят возмужалость, обманывая юные чувства в твердости их и заготовляя им дряхлость».

«На каждой улице в обеих столицах видим роскошных любовниц, — продолжает Радищев. — Скитающиеся любовницы, отдающие сердца свои с публичного торгу наддателю, тысячи юношей заразят язвою и все будущее потомство сея тысячи. Но книга не давала еще болезни». «Итак, цензура да останется на торговых девок; до произведений же развратного хотя разума ей дела нет».[24] Неоспоримо, что здесь в первую очередь речь идет об эротических сочинениях, которых, однако, по свидетельству самого Радищева, в России печатным образом не распространяли; следовательно, под произведениями развратного разума, которых екатерининская цензура не допускала к печатанию в намерении удержать юношество от половой распущенности, мы имеем право разуметь главным образом

[23] ГПБ, рукопись F. XV. № 8.

[24] А. Н. Радищев, Полн собр. соч., т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 334—335.

любовные романы. Если же отвергнем этот последний вывод, то должны будем допустить мысль, совершенно несообразную с задачей знаменитого сочинения и со всей личностью Радищева, будто он в данном рассуждении по такому важному вопросу, как цензура, не основывался на конкретном материале. В главе «Торжок» Радищев прямо свидетельствует, что при цензурном рассмотрении романов не пропускали даже таких выражений, как «лукавый бог любви».

В 1770 году отчетливо обозначалось, что русскому обществу в качестве литературных новинок остаются для чтения только оды, сказки и издания учрежденного Екатериной «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Именно так и надо понимать прощальные слова «Трутня» к своим читателям: «Слушайте, читатели! Я хотел было сочинить двенадцать трагедий в том вкусе, о которой трагедии недавно я упоминал, двадцать комедий, пятнадцать романов... Но вы ничего этого не увидите. Читайте...»

Здесь же, среди материалов о запрещении печатать романы, представляется уместным отвести несколько строк неудавшейся попытке издать антироманическое произведение Ж.-Ж. Руссо под названием «Предисловие к „Новой Элоизе", или разговор о романах между издателем и одним ученым человеком». Оно содержится в рукописи, которая была в цензуре, как ясно из постраничной скрепы («коллежский актуариус Новиков») и цензорских подчеркиваний.[25] От рукописи, судя по скрепе, дошло до нас только ее начало, в котором, однако, полностью содержится «Предисловие».

Цензор обратил внимание на л. 13 на такую фразу и подчеркнул слова, набранные здесь курсивом: «*Это ремесло проповедников* кричать нам: „будьте добродетельны и мудры", не беспокоясь об успехе своих слов; а гражданин, который о том беспокоится, не должен отнюдь только кричать нам глупо: „будьте добродетельны"».

Переводчик предложил такое исправление: «Пусть некоторые кричат нам: „будьте добродетельны и мудры", не беспокоясь об успехе своих слов; а гражданин, который о том беспокоится, не должен отнюдь только кричать нам безрассудно: „будьте добродетельны"».

Переводчик не смог предложить никакого варианта к следующей тираде на лл. 19/20: «Но будем справедливы против женщин. Причина их беспорядка не столько в них, как в наших худых установлениях. После того как все естественные чув-

[25] ГПБ, рукопись F. XV. № 9.

ствования истреблены чрезвычайным *неравенством*, от беззаконного самовластия родителей происходят пороки и несчастия детей». Если к этим двум цитатам прибавить, что «Предисловие» относит придворные обычаи к развращающим силам городской жизни (л. 13), то будет понятно, почему «Предисловие» Ж.-Ж. Руссо не было дозволено к печатанию.[26]

Обратимся к отношению тогдашней цензуры к сатирическим произведениям и в первую очередь поставим вопрос об издании «Сатир» Кантемира; здесь мы опираемся на полностью неизвестные архивные материалы, среди которых до нас дошли любопытнейшие данные о печальной судьбе первопечатного издания «Сатир».

В реестрах всего печатного наличия, обнаруженного в академической типографии, в академической книжной лавке и на книжных складах при весьма тщательном обследовании, произведенном после отстранения С. Г. Домашнева от должности директора Академии наук, среди принадлежавших казне печатных произведений, учтенных на 1 января 1784 года,[27] встречаются также и запрещенные цензурой. Например, (на л. 203 об.) там указаны 167 экземпляров «речей» архимандрита Тимофея (Щербацкого), говоренных в 1744 году. Канцелярия Академии наук еще в том же 1744 году постановила употребить их на макулатуру,[28] вследствие запрещения Синодом выпускать их в свет без весьма многочисленных редакционных и орфографических поправок, которые потребовали бы столько же работы, сколько нужно для нового печатания. «Речи», как мы видим теперь, пролежали 40 лет.

В тех же реестрах значится 5 экземпляров притчи Сумарокова «Два повара», напечатанной в 1765 году в количестве 400 экземпляров,[29] из коих до нас не дошло ни одного: все они бесследно исчезли вместе с рукописным оригиналом. Здесь повторяется судьба упоминавшейся выше «Оды» Сумарокова в честь новоизбранного короля польского Станислава-Августа Понятовского.

Дело № 914 показывает наличность большого количества экземпляров четырехъязычного «Наказа о сочинении проекта Нового уложения», напечатанного по заказу Г. В. Козицкого

---

[26] Напомним, что «Эмиль» Руссо был 6 ноября 1763 года запрещен для обращения в России.

[27] ААН, ф. № 3, оп. 1, д. № 914.

[28] Там же, д. № 93, л. 167.

[29] Там же, д. № 289, л. 242. — В «Полном собрании всех сочинений А. П. Сумарокова (М., 1781, эта притча помещена в ч. 7. — *Прим. Ред.*).

в количестве 4800 экземпляров; счет был оплачен из сумм Екатерины II.

Залежи экземпляров «Наказа» образовались вследствие вышеприведенного распоряжения Сената от 24 сентября 1767 года о строгом хранении русского текста «Наказа» в правительственных местах единственно для сведения высших должностных лиц, а не для руководства и не для публики; задержание иностранного текста «Наказа» было связано с запрещением французской цензурой пропуска внутрь страны прибывших на границу экземпляров «Наказа». В свое время А. Н. Пыпин обращал внимание на прекращение продажи «Наказа» внутри России и сделал совершенно правильную догадку: «Так как бросалось в глаза противоречие заявленных в нем правительственных и нравственных идеалов с наличной действительностью, то уже вскоре, видимо, для устранения возможных практических недоразумений, распространение „Наказа", переведенного между тем на несколько иностранных языков, было ограничено административною мерой».[30] Однако мы обязаны провести разграничение между изданиями «Наказа» на одном русском языке и четырехъязычным. Последнее издание было даже приобретено академической книжной лавкой в июне 1783 года в количестве 617 экземпляров. Кроме того, 17 ноября 1783 года в «Объявлениях» № 92 «С.-Петербургских ведомостей» (на стр. 3 второго счета) появилась публикация: «В доме № 259, Московской части в 3 м квартале у колл. ас. Водарского имеются для продажи экземпляры на любской бумаге числом более 1000 „Наказа" на русском, латинском, французском и немецком языках, данного Комиссии о сочинении нового Уложения. Цена каждого экз. 70 коп. А кто большое число купить пожелает, тот получить может по 60 коп., с уступкою против продаваемых в академической книжной лавке по 1 р. 50 к. таковых же экземпляров».[31] Но 23 июня 1784 года на просьбу заведующего академической книжной лавкой напечатать «Наказ» на одном русском языке замещавший президента Академии наук С. Ф. Стрекалов постановил «Наказ» не печатать, «поелику оного много находится на 4-х языках».[32]

Среди книжного имущества, принадлежавшего Академии, обнаружено было на 1 января 1784 года в наличности также 114 экземпляров «Сатир и других стихотворческих сочинений»

---

[30] Сочинения императрицы Екатерины II, т. I, изд АН, СПб, 1901, стр. VII—VIII.

[31] ААН, ф. 3, оп 1, д. № 554, л. 619.

[32] Там же, д. № 556, л. 559.

Антиоха Кантемира, напечатанных в 1762 году, спустя 20 лет после смерти автора.

Разрешение печатать «Сатиры» Кантемира было дано в феврале 1762 года самим президентом Академии наук гр. К. Г. Разумовским. Текст разрешения представляет интерес в историко-литературном отношении: «Представлял мне словесно канцелярии советник Тауберт, что имеет он у себя исправный манускрипт всех покойного князя Антиоха Кантемира сатир и прочих стихотворческих сочинений с примечаниями, присланный сюда от самого автора к некоторому его приятелю, и просил, чтобы дозволено было оное напечатать на его кошт за указанную плату, как и от других печатаются на их же кошт всякие книги; а понеже упомянутые Кантемировы сочинения на разных иностранных языках давно уже в свет изданы, а российские любители наук поныне принуждены оные один у другого списывать и то с недостаточных и погрешностями наполненных копий, того ради г. Тауберту в печатании на его кошт оных Кантемировых сочинений сим дозволяется».[33]

На этом издании никаких типографских долгов не имелось, потому что И. И. Тауберт 1055 экземпляров выкупил, заплатив 325 руб. 86½ коп., а остальные 145 экземпляров сдал в книжную лавку Академии наук по расценке 1 руб. 20 коп. за экземпляр в покрытие 174 руб. числившегося остатка по типографскому счету. Продажная цена «Сатир» была указана академической книжной лавкой на хорошей бумаге 1 руб. 50 коп. и на простой 1 руб. 20 коп. за экземпляр, а самые объявления о продаже прекратились после второго раза.[34]

Свои собственные экземпляры И. И. Тауберт продал С. В. Зборомирскому, работавшему в книжной лавке Академии наук, т. е. эта книга, возбуждавшая повышенный интерес, попала в частную книготорговую сеть при очень низкой стоимости бумаги и типографских расходов (325 руб. 86 коп.: 1055 = = 31 коп.), что, по сравнению с казенной ценой, открывало широкую возможность оплатить все расходы и продавать книгу даже дешевле академической книжной лавки, как мы это видели и на вышеприведенном примере с «Наказом». Отметим, что при этом переучете, как свидетельствует Е. Р. Дашкова, была передана семье скоропостижно скончавшегося Зборомирского вся обнаруженная книгопечатная продукция, в отношении которой

---

[33] Там же, д. № 267, л. 108. П. П. Пекарский приводит эти сведения ошибочно под 1761 годом (П. П. Пекарский. История Академии наук, т. I, стр. 654).

[34] «С.-Петербургские ведомости», 1762, №№ 93 и 95

нельзя было доказать прав собственности самой Академии, какого-либо учреждения или какого-либо другого лица.[35]

Мы должны думать, что 114 экземпляров «Сатир» представляют остаток от упомянутых выше 145 экземпляров, которые были сданы Академии наук и, очевидно, залегли в закоулках складских помещений не потому, что не было покупателей, а потому, что прекратилась продажа вследствие цензурного вмешательства, не потребовавшего, однако, уничтожения «Сатир».

Такое предположение находит поддержку в том факте, что известная лейпцигская «Nachricht von einigen russichen Schriftstellern», перечисляя всех крупных и даже мелких писателей со времени Феофана Прокоповича, совершенно не упоминает имени А. Кантемира.

Этому нисколько не противоречит тот факт, что в «Антидоте» Кантемир полностью назван, ибо автор этого остро полемического сочинения, не связанный никакими угрозами ответственности, не мог не считаться с исключительной известностью А. Кантемира в Западной Европе и как поэта и как политического деятеля.[36]

Для изучающих цензурную практику екатерининских лет крайне любопытен текст переизданной в 1788 году «Адской почты». Казалось бы, что 20 лет спустя можно было без затруднений полностью повторить печатный текст 1769 года, так как сам Эмин умер в 1770 году и уже умерло много людей, о которых сатирически писала «Адская почта». В действительности же переиздание 1788 года совсем исключило больше 30 писем, напечатало в укороченном виде больше 20 писем, и на всем протяжении журнала, вместо полных фамилий и имен, хотя они были вымышленные, напечатаны были только первые буквы, а также были уничтожены все локальные и должностные признаки осмеянных лиц. Приведем примеры, сохраняя нумерацию писем подлинников:

Текст 1769 года	Переиздание 1788 года
№ 4. Теперь уведомляю тебя о досаде Полимена.	№ 3. Теперь уведомляю тебя о досаде П
№ 4. городской канцелярист у меня живущий, искусный знатель родословий.	№ 3. канцелярист у меня живущий
№ 4. Губернатор Полимен засыпал его за столом ругательствами.	№ 3. однако Г. П. засыпал его за столом ругательствами

[35] Архив князя Воронцова, т V, М, 1872, стр. 194

[36] В переводе, однако, предисловие к французскому изданию «Сатир» появилось с выпусками и изменениями текста в политической части.

№ 6. Перекрести ж меня, хлопче. Не успел хлопец перекрестить.	№ 4. Перекрести ж меня. Не успел он перекрестить <т. е. изъяты слова, указывающие на украинское происхождение лица, — *Д. Ш.*>.
№ 7. Филиант, Доримен, госпожа Дорализа.	№ 5. Д., госпожа Д.
№ 12. Секретарь здешней воеводской канцелярии поссорился с здешним мясником.	№ 10. Секретарь некоторой канцелярии поссорился с одним мясником.

Эта редакционная обработка старого текста, конечно, удовлетворяла требованию цензуры не задевать личностей. Если мы обследуем предуведомление 1769 года и отдельные письма, не вошедшие в переиздание 1788 года, то убедимся, что этими пропусками было снято все, что так или иначе касалось Екатерины II как личности и как писательницы, или даже, например, ее взаимоотношений с Вольтером. Кроме того, в переиздании 1788 года совсем пропущены статьи общего счета №№ 17—34 и принадлежащие к ним «Адские ведомости из-за реки Косита, из присоединенных к аду провинций, из Тарторов». Это — полностью августовский выпуск «Адской почты». При наличии общей нумерации писем в издании 1769 года издатель или редактор 1788 года не мог не заметить пропуска. Единственное объяснение этого пропуска состоит в том, что весь августовский выпуск «Адской почты» был цензурой задержан в 1769 году, и потому-то не было дозволено из него перепечатать ни одной строчки и в 1788 году. Подтверждается это мнение тем, что, например, в одном экземпляре Библиотеки Академии наук СССР как раз отсутствует августовский выпуск, а в частных руках имеются экземпляры годового комплекта в двух переплетах: недостающий августовский выпуск переплетен отдельно, как добытый гораздо позже.[37] Таким образом, мы приходим к заключению, что «Адская почта» дважды подверглась цензурному преследованию, причем второй раз почти через 20 лет после смерти автора.[38]

[37] См. по этому поводу: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII в. М.—Л., 1952, стр. 260.

[38] Редактор переиздания 1788 года не считался с тем, что у Эмина Кривой бес всегда пишет из С.-Петербурга, Хромой — из Москвы, а зарубежные новости печатаются как корреспонденция из ада. После изъятия некоторых номеров переписки по требованию цензуры иногда должно было оказаться у редактора рядом по два письма от Кривого к Хромому или наоборот. В переиздании принято механическое чередование писем, вследствие чего получилось, что о московских событиях и лицах писалось из С.-Петербурга от лица Кривого и наоборот, а иногда даже корреспонденции из ада, то есть, заграничные темы, описывались Кривым бесом от лица очевидца, тогда как этот бес находился в Невской столице.

О посмертном преследовании Ф. Эмина мы можем говорить на основании того, что «Трутень» поместил в своем XVI листе от 20 апреля: «Стихи на смерть Федора Александровича Эмина, российской истории писателя, последовавшую в Санкт-Петербурге 18 апреля 1770 году, писанные к его другу», где ни одного слова не сказано о литературно-художественной его деятельности, публицистических его произведениях и сатирических сочинениях. Через два года в своем «Опыте исторического словаря о российских писателях» Новиков очень сжато говорит о сатирических сочинениях Эмина и публикует второе стихотворение на его внезапную смерть, в котором центральными можно признать две строчки:

Сомкнулись те уста, что страсти порицали;
Ослабла та рука, которой гнан порок.

Мы подходим очень близко к подозрению, что жизнь Ф. Эмина закончилась трагически: бывший «янычар» не выдержал натиска власти и покончил с собою сам, как это косвенно подтверждается тем, что 1) нигде не говорится о болезни Эмина и 2) на его могиле не было поставлено никакого надгробия, т. е. выполнено было церковное требование не ставить креста на могиле самоубийцы. Организованное сверху замалчивание привело к тому, что от современников и почитателей Эмина не дошло до нас об этом никаких известий.

Вообще Эмин имел много неприятностей с цензурой. Уже первое его выступление в сатирическом роде вызвало возражения со стороны цензора. В 1764 году его «Нравоучительные басни» просматривал адъюнкт Карл Фридрих Модерах, «нет ли в них такой непристойности в самой материи или неисправности в слоге, и можно ли их так, как они есть, напечатать в академической типографии». Модерах 7 июля сообщал в Канцелярию Академии наук: «Я оную книгу прочел, а описки и то, что в слоге показалось мне сумнительным, подчеркнул карандашом или приставил знак NB, также о некоторых местах напомнил самому автору».[39] В мае 1765 года Эмин за сочинительство был посажен на две недели в крепость.[40]

«Адская почта» была лучшим произведением Эмина по силе и яркости сатирической манеры, по меткости языка и разно-

[39] ААН, ф. 3, оп. 1, д 282, л 304. Речь идет о произведении «Сон на 1765 год» (см.: Л. Н. Майков. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий СПб, 1889, стр 325—330).

[40] Тюремное заключение было определено «вместо заслуженного им, по состоянию вины его и строгости законов, наказания». Ср.: К. В. Сивков Подпольная политическая литература в России в последней трети XVIII в. «Исторические записки», 1946, № 19, стр 88—89

образию приемов в расположении материала. Можно сомневаться в том, что сатирическим пером Эмина руководили всегда чистые и благородные гражданские цели, — ведь от смелого нападения на высоких лиц и описания нравственной распущенности проистекала сенсация и зависел коммерческий успех журнала. Наряду с этим в «Адской почте» прорывались элементы внецерковного богословствования, например в рассуждениях об участи некрещеных детей. Однако впоследствии стало известно, это Эмин, издавая сатирический журнал, в то же самое время писал «Путь ко спасению», т. е. готовился зарабатывать деньги на сочинении религиозного содержания (если только это не проистекало от уклона в сторону масонства). Тем не менее «Адская почта» Эмина содержала много животрепещущего, разоблачительного материала. За эту правду Эмин и подвергался посмертному цензурному преследованию. Не могло остаться безнаказанным и доброе слово Эмина о землепашцах.

Имеются некоторые основания ставить вопрос и о посмертном преследовании А. П. Сумарокова екатерининской цензурой. Например, Новиков, вопреки своему печатному обязательству в объявлении о выпуске сочинений Сумарокова, все-таки не смог издать его биографию при своем десятитомном «Полном собрании всех сочинений в стихах и прозе» Сумарокова (М., 1781—1782). Хорошо известно, что Новиков имел возможность привлекать образованных и работоспособных людей к выполнению своих издательских планов, и, тем не менее, на этот раз ни литературные силы, ни деньги, ни личная его энергия ему не помогли. Единственное объяснение этого в запрещении благожелательных статей, заметок и сочинений о Сумарокове (ведь набросок панегирической его биографии был известен еще в 1778 году).[41]

Н. И. Новиков не смог ввести в «Полное собрание всех сочинений» Сумарокова даже всего того, что уже вышло из-под печатного станка в свое время при жизни автора.

На основании имеющихся данных сейчас можно по-новому осветить рассказ о том, будто Екатерина II приказала напечатать на казенный счет трагедию Н. П. Николева «Сорена и Замир» с полным сохранением в 5-м явлении IV действия тех строк, которые вызывали у зрителей антидеспотические настроения. Обращают на себя внимание такие обстоятельства: 1) Екатерина II запрещения на трагедию не сняла, 2) постановка трагедии возобновилась лишь в 1810 году и успеха не

---

[41] «С.-Петербургский вестник», 1778, № 1, стр. 39—40

имела.[42] Следует думать, что Екатерина II использовала метод, который был применен лондонской цензурой в отношении брошюры Вольтера «Le philosophe ignorant», т. е. «очистила» неприятный текст и приказала в новом виде напечатать его вместо игранного в театре по рукописи, которая бесследно исчезла.

Сам Николев в своем обращении к Александру I ясно засвидетельствовал гнет и вред цензурного режима предыдущих лет:

Тебе, что ‹ . . ›
Снял путо студное и с мысли и с пера,
Отверз в грудях сынов все токи живоносны,
Цензуры обуздав суды, дарам несносны,
Тебе мой слабый труд дерзаю посвятить.[43]

Эти слова его в равной мере относятся и к прямолинейной павловской и к более тонкой екатерининской цензуре, причем устранять из-под ее воздействия литературную деятельность самого Николева нет никаких оснований. Дело в том, что Николев различал только два основных вида государственной власти: монархию и республику.[44] Отсюда и мог вылиться совсем иной, не дошедший до нас монолог огорченного Премысла. В печатном же тексте трагедии мы имеем обращенное к «России пренесчастной» такое пятистишие:

Исчезни навсегда сей пагубный устав,
Который заключен в одной монаршей воле,
Льзя-ль ждать блаженства там, где гордость
на престоле,
Где властью одного все скованы сердца?
В монархе не всегда находим мы отца

(Д IV, явл 4)

Здесь не следует искать «бунтарской» идеологии. В других печатных произведениях того времени встречаются более жесткие и более резкие слова, например «тиранство» (у Николева «власть одного» и «одна монаршая воля»), но оно почти всегда означает отсутствие законов и реже попрание их. У Николева мы находим и совершенно верноподданническое посвящение второго тома творений Екатерине II. Но никак нельзя забывать, что зрительный зал 12 февраля 1785 года при первом представлении трагедии «Сорена и Замир» сочувственно встретил слова со сцены о «пагубном уставе». А тяжесть цензурной

[42] «Русский вестник», 1810, №№ 3 и 4, стр. 95—123.

[43] Трагедия в 5 действиях «Святослав». ГПБ, рукопись Эрм. № 214, л. 2.

[44] Творения Николая Петровича Николева, ч. III, Лиродидактическое послание, М., 1796, стр. 295—296, нота 16-я

практики в России екатерининских лет — вне всяких сомнений: глава «Торжок» в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева, целиком посвященная цензуре, хотя насыщена западноевропейскими историческими справками, все-таки порождена протестом против наблюдаемого автором екатерининского цензурного гнета, тем более, что Радищев в этой же главе давал обещание в другой раз поговорить специально о цензуре в России. Несомненно, что Радищев о российской цензуре XVIII века знал больше того, что известно и опубликовано до сих пор.

Таким образом, мы видим, что цензура Екатерины II боролась против выдающихся русских писателей, преследовала их после смерти, иногда их произведения частями переделывала, а иногда некоторые из них полностью уничтожала. И вступила Екатерина II на этот путь очень рано, конфисковав в 1765 году литературный и научный архив Ломоносова,[45] и сделала это в самом спешном порядке, не выждав даже похорон великого человека. Русское передовое общество знало об этом архиве и высоко ценило его.

«Я умалчиваю здесь, — писал в 1774 году М. Н. Муравьев, — о творениях его, более бы достойнейших быть изданным в свет, где б усматривались величие его намерения, проницание божественного ума, где б явился в удивленных очах многочисленных сограждан не один в нем стихотворец, не один вития, не один природы испытатель, мудрец и мира гражданин; но честный человек, сын отечества, ревнитель добрых дел, рачитель общественного блага, Росс и именем и делом».

И далее: «А вы, живые, завидующие славе мертвого, не будьте соперники Ломоносова, будьте подражатели его. Уже наступает тот час, где будет судить его справедливое потомство. Зависть не будет в состоянии затмевать заслуги его. Вотще восстанете вы против него: падение ваше посрамит вас, потомство презрит усилия ваши, а достоинство будет жить во веки».[46]

На основании наиболее полной библиографии о Ломоносове[47] можно заметить на всем протяжении царствования Ека-

---

[45] «Литературное наследство», т. 9—10, 1933, стр. 327—339.

[46] Похвальное слово Михайле Васильевичу Ломоносову. Писал лейб-гвардии Измайловского полку каптенармус Михайло Муравьев. СПб., 1774, стр. 8—9 и 14. Есть некоторые очень слабые признаки, что эта брошюра изымалась. Она считается очень редкой. В «Сочинения» Муравьева она не включена.

[47] Материалы по библиографии о Ломоносове на русском, немецком, французском, итальянском и шведском языках. Составили А. Г. Фомин, К. Дукмейер, Г. Эллис, А. Мартен и А. Иенсен. Выставка «Ломоносов и елизаветинское время», т VII, СПб., 1915.

терины II и Павла I стремление посмертно замалчивать его заслуги. Объяснять такое отношение к Ломоносову со стороны печати какой-то неблагодарностью русского общества никак невозможно. Когда иностранец Леклерк, будучи избран русским почетным академиком, произнес 15 апреля 1765 года в С.-Петербурге на французском языке речь, в которой горячо говорил о только что умершем Ломоносове, то она напечатана не была, хотя и заканчивалась риторическими похвалами Петру I и самой Екатерине II. Нужно особо отметить, что в богатейшем Архиве Академии наук СССР не сохранилось текста этой речи. Лишь в XIX веке акад. П. П. Пекарский опубликовал из нее то, что относилось к Ломоносову.[48] На этом библиографическом фоне концовка «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева под названием «Слово о Ломоносове» выступает как вызов, как трактовка замалчиваемой темы.

---

[48] О речи в память Ломоносова, произнесенной в Академии наук доктором Леклерком. Извлечение из т. X «Записки императорской Академии Наук», СПб., 1867, стр. 178—187.